

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Елена АЙЗЕНШТЕЙН

«КАМИННЫЕ» СТИХИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Камин в стихах поэтов XIX—XXI веков

Все помнят, конечно, пьесу Петра Ильича Чайковского «У камелька», которой открываются «Времена года», с эпиграфом из стихотворения молодого Пушкина «Мечтатель» (1816). У камелька, у камина многое совершалось в XIX веке, прежде всего с душами, и было связано с той Россией, которая ушла с революцией, когда уют закончился. Столетие спустя Цветаева связывала с образом камина Россию мирного быта и бытия, о которой в лирической прозе «Нездешний вечер» в 1936 году написала: «Начало января 1916 года, начало последнего года старого мира. Разгар войны. Темные силы.

Сидели и читали стихи. Последние стихи на последних шкурах у последних каминов. Никем за весь вечер не было произнесено слово фронт, не было произнесено — в таком близком физическом соседстве — имя Распутин.

Завтра же Сережа и Леня кончали жизнь, послезавтра уже Софья Исааковна Чацкина бродила по Москве, как тень ища приюта, и коченела — она, которой всех каминов было мало, у московских привиденских печек.

Завтра Ахматова теряла всех. Гумилев — жизнь¹.

Но сегодня вечер был наш!» (ЦГ: 1994, т. 4, с. 292).

Камин — это для Цветаевой немного «привиденское», призрачный, духовный и невозможный в новой эпохе предмет. Это место для чтения стихов, образ задушевно-

Елена Айзенштейн (родилась в г. Андижане, Узбекской ССР, живет в Ленинградской области) — писатель, литературный критик, переводчик, учитель русского языка и литературы, автор книг «Построен на созвучьях мир», «Сны Марины Цветаевой», «Неизвестное о Марине Цветаевой», «Из моей тридевятой страны» и др.

¹ В этом «всех» речь шла о Блоке и Гумилеве, так как оба умерли в августе 1921 года.

го общения, последних встреч с теми, кого отнимет Революция, отнимет не только у Ахматовой, но и у Цветаевой, у всей России.

Но начало каминной теме, наверное, положено Пушкиным и в пушкинские времена: «А вот камин; здесь барин сживал один» («Евгений Онегин»). Не случайно в стихотворении 1930 года Марии Петровых «Болдинская осень» камин — участвующий в творчестве образ быта А. С. Пушкина:

Во влажном серебре стволов
Троились отраженья слов,
Еще не виданных доныне,
И вот в разгневанном камине —
Внутри огня — ты видишь их
И пламя воплощаешь в стих.

С тех пор сто лет прошло. Никто
Тебе откликнуться не в силах...

(М. Петровых.
«Болдинская осень», 1930)

Таким образом, для М. Петровых главный камин русской поэзии — пушкинский. И «разгневанный» камин Пушкина, и камин его героя, Евгения Онегина, поэтами и читателями воспринимаются необходимым антуражем поэтической атмосферы и даже частью ремесла поэта. На самом деле, конечно, это не только пушкинский атрибут. Вот образ менее знаменитого Батюшкова:

От стужи весь дрожу,
Хоть у камина я сию.
Под шубою лежу
И на огонь гляжу,
Но все как лист дрожу,
Подобен весь ежу,
Теплом я дорожу,
А в холоде брожу
И чуть стихами ржу.

(1816 или 1817)

В стихотворении Евг. А. Боратынского «Старик» камин дан как часть интимного, уютного переживания в кругу друзей, возможность вернуться в молодость:

Как быть? У яркого камина,
В укромной хижине моей,
Накрою стол, поставлю вина
И соберу моих друзей.

У Лермонтова в стихотворении 1837 года камин — примета мечты, размышления о будущем:

Никто моим словам не внимлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,

На запад уклонились тучи и камин
 Трещит передо мной. — Я полон весь мечтами,
 О будущем... и дни мои толпой
 Однообразною проходят предо мной,
 И тщетно я ищу смущенными очами
 Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

(1837?)

Как художественный образ, символизирующий лирическое переживание, угасающее чувство, камин дан в стихах Ф. И. Тютчева:

Сижу задумчив и один,
 На потухающий камин
 Сквозь слез гляжу...
 С тоскою мыслю о былом
 И слов, в унынии моем,
 Не нахожу.

(Ф. И. Тютчев.

«Сижу задумчив и один...»)

Стихотворение Фета «У камина» — лирическая зарисовка и сожаления о прошедшем счастье:

Тускнеют угли. В полумраке
 Прозрачный вьется огонек.
 Так плещет на багряном маке
 Крылом лазурным мотылек.
 Видений пестрых вереница
 Влечет, усталый теша взгляд.
 И неразгаданные лица
 Из пепла серого глядят.
 Встает ласкательно и дружно
 Былое счастье и печаль,
 И лжет душа, что ей не нужно
 Всего, чего глубоко жаль.

(А. А. Фет.

«У камина», 1856)

У Фета настоящее каминное стихотворение, это зарисовка камина, тускнеющих углей, полумрака, «видений пестрых вереницы», навеваемых особым освещением. Фет смотрит в огонь и видит «неразгаданные лица» своего прошлого. Стихотворение проникнуто грустным настроением, поэт думает о былом счастье, жалеет, что оно несбыточно.

Близко фетовскому стихотворение «У камина» В. Набокова, возникшее много позже, 13 марта 1920 года, который, как и Фет, глядит на угли, воображая в них совсем иные картины: «И гляжу я, виски зажимая, в золотые глаза угольков, /я гляжу, изумленно внимая / голосам моих первых стихов. /...воскрешаю я все, что, бывало, хоть на миг умилило меня: / ствол сосны пламенеющий, алый / на закате июльского дня...» (На-

боков В. «У камина»). У Фета огонь вьется, как «плещет на багряном маке / Крылом лазурным мотылек», у Набокова зацветающие угольки как «огневые лепестки». И у Фета, и у Набокова огонь в камине рождает природные образы.

«Каминное» стихотворение есть и у А. Блока, оно не имеет названия, хотя действие в нем происходит у камина, где сидят мать и дочь, которые слушают «сказки в стихах», а поэт присутствует в стихотворении лишь в качестве теней на стенах:

Мы за тобою — незримые сны
Чертим узор на стенах.
Дочь твоя — в креслах — весны розовой,
Строже вечерних теней.

(«Ты у камина,
склонив седины?..», 1903)

Присутствие лирического героя, то есть «теней», толкуется как звук мышки или зайца: «Дочка твоя, что румяней весны, / Скажет: „Там серый зверок“».

Образ камина поэтизируется в 1913 году в стихах Ахматовой, где лирическая героиня предстает в роли Сандрильоны, Золушки, чей башмачок принц будет примерять неизвестно кому:

В камине гаснет пламя;
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок.

.....

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

(«...И на ступеньки
встретить...»)

В то же время в тексте присутствует и образ дома, создаваемый образами зеленой лампы, лунного света и света камина, и все перечисленное связывается с тем, кто не вышел на крыльцо, чтобы встретить лирическую героиню.

У Пастернака в № 9 цикла «Разрыв»:

Рояль дрожащий пену с губ облизет.
Тебя сорвет, подкосит этот бред.
Ты скажешь: — милый! — Нет, — вскричу я, — нет!
При музыке?! — Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, погодно?
О пониманье дивное, кивни,
Кивни, и изумишься! — ты свободна.

У Пастернака камин воспринимается не просто частью комнаты и ее обстановки, но частью искусства, музыки, которая, как нотная бумага в камине, сгорает под руками музыканта в аккордах. Музыка — дневник души, а в камине, видимо, Пастернак

сжигал «погодно» свои дневники. Слово «комплектами» отсылает, скорее всего, к музыке, которую можно играть комплектами, циклами сочинений, одну пьесу за другой, как, например, «Ноктюрны» Шопена или его же «Этюды», такая игра передает взволнованность лирического героя, охваченного страстью. Музыка зажигает душу от понимания той, кому адресована. А. Жолковский, анализируя это стихотворение, комментирует: «Тем естественнее ожидать изощренной интертекстуальной — и интермедialной — оркестровки от стихотворения, открывающегося игрой на рояле, подытоживающего отношения героя и героини как подшивку совместно сжигаемых текстов и завершающегося отсылкой к знаменитому роману»². Таким образом, можно истолковать эти строки как подшивку текстов (Жолковский), как комплект сжигаемых дневников и как ноты собственных музыкальных сочинений, которым от отчаяния не находишь другого применения, кроме сожжения их в камине, своего рода исполнение обряда, изобретенного еще Гоголем.

В связи с Пастернаком упомянем и стихотворение «У камина» Важа Пшавелы в переводе Б. Пастернака. Здесь камин, созданный в доме своими руками, «чтоб в доме живое иметь существо», — символ самовыражения и лирического высказывания: «Ты весь был как пламя — порыв и горенье / и, с пламенем рядом, соперничал с ним» (1940). Камин в данном тексте — средство избавления от пережитого, средство укрощения огня души в поэтическом слове: «ты в творческой жадности, как Прометей, / к простенку в углу приковал свой камин»³.

Не всегда у поэта есть свой камин, он может быть чужим, но это все-таки некий связующий со старой Россией элемент быта, воспринимающийся отчасти роскошью и признаком избранности, отчасти — образом уюта:

Придвинув спину к их камину,
Пока не пробил час поэм,
За Мандельштама и Марину
Я отоплеюсь и поем...
(Ахмадулина Б.
«Как долго я не высыпалась...»)

Или:

Вниманье! Детский лепет.
Мы вас не подведем.
Не зря великолепен
камин, согретый дом.
(Ахмадулина Б.
«Сказка о Дожде»)

И еще:

И когда камина нет, его просто рисуют:
Всем путникам плохо, и плохо рессорам.
А нам — хорошо перекинуться словом

² Жолковский А. При музыке: «Разрыв, 9» и его интертекстуальный аккомпанимент. <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib188>. Речь идет о «Страданиях молодого Вертера» Гёте.

³ Важа Пшавела — настоящее имя — Лука Павлович Разикашвили. Стихи Важа Пшавелы переводила и вернувшаяся в СССР из Франции Марина Цветаева («Этери» и «Раненый барс»).

в «Оке», где камин на стене нарисован,
в камин же — огонь возожженный врисован.

(Ахмадулина Б.
«Суббота в Тарусе»)

У современника Ахмадулиной и ее друга А. А. Вознесенского в поэме «Оза» камин дается как немодный пережиток прошлого, родственный двусложному стихотворному размеру, который, как с печалью полагал поэт, уйдет из русского стихосложения, как прекрасные камины — из советской России:

Ужели и хорей, серебряный флейтист,
погибнет, как форель погибла у плотин?

Ужели и любовь не модна, как камин?
Аминь?

(1964)

И в стихотворении О. Бешенковской «Ночное дежурство», где камин заменяет котельная, в которой работают и пишут стихи поэты: «Полыхает судьба в закопченном подвальном камине. <...>/ О, друзья мои, гении — дворник, охранник, курьер, / О, коллеги по Музе — товарищи по кочегарке!»⁴

А представитель «котельной», много лет проработавший в котельной поэт Борис Лихтенфельд использует образ камина, создавая свой текст о Гоголе («Гоголь и Россия»⁵), где камин словно связующее звено между жизнью и смертью: поэт представляет камин, в котором Гоголь когда-то должен был жечь рукописи, воспринимает его как воображаемую дорогу в Россию, с одной стороны, когда Гоголь словно видит в каминном огне, где он сжег рукописи, российские просторы и снега, а с другой — это образ адских врат, могильного холода, словно Гоголь не рукописи в камине уничтожил, а испепелил свое тело и облегчил душу, превратив ее в пепел:

Чудится мне: перед бронзовым креслом черта,
Что преступить он собрался, или, вернее, врата
В образе прежнем — камина, что вот уж не жар излучает —
Холод могильный, и кто-то оттуда встречает
Душу его полегчавшую, тень, мимо нас шелестящую,
К новой отчизне дорогу молитвой о бывшей мостящую...

(Б. Лихтенфельд, 2016)

В стихотворении Ефима Бершина, посвященном желанию лирического героя убежать из Пространства и Времени, камины — это множество воображаемых домов, один из образов Вселенной:

Вселенная бездомна, как огонь,
кочующий по воющим каминам,

⁴ Рассказывают, что в концертном зале Дома композиторов в Ленинграде проходили «Вечера у камина», в которых принимали участие такие поэты, как Е. Игнатова, В. Кривулин, О. Охупкин и другие. Само название, конечно, должно было создавать особую лирическую, камерную атмосферу здания, построенного архитектором О. Монферраном, перестроенного И. В. Штромом, а затем обновленного М. Е. Месмахером.

⁵ Опубликовано: Нева, 2016, № 9.

как осень, как отцепленный вагон,
как запах облетевшего жасмина.

*(Бершин Е. «Пространственная
форма пустоты», 2018)⁶*

В стихах Иосифа Бродского сопоставлены воображаемый каминный огонь и свет от лица и волос женщины, чье присутствие делает светлее комнату вместо камина:

V. S.

Чучело перепелки
стоит на каминной полке.
Старые часы, правильно стрекоча,
радуют ввечеру смятые перепонки.
Дерево за окном — пасмурная свеча.

Море четвертый день глухо гудит у дамбы.
Отложи свою книгу, возьми иглу;
штопай мое белье, не зажигая лампы:
от золота волос
светло в углу.

(«Октябрьская песня», 1971)

А в стихотворении «В Англии» Бродский вновь упоминает каминную полку, как часть современного английского интерьера:

И на камине маячит чучело перепелки,
понадеявшейся на бесконечность лета,
ваза с веточкой бересклета
и открытки с видом базара где-то в Алжире — груды
пестрой материи, бронзовые сосуды,
сзади то ли верблюды, то ли просто холмы;
люди в тюрбанах. Не такие, как мы.

(«В Англии», 1978)

Такое впечатление, что за этим чучелом птицы на полке скрывается сам лирический герой, иронически относящийся к изображаемому им миру. В стихах «В Англии» уже действующий камин, и замечательно дана метафора огня, сходная со стихотворением Цветаевой «Огнепоклонник! Красная масть...». Здесь поэт уподобил огонь золотистым лошадям, превращающимся в вороных коней (у Цветаевой огонь в печи — ее камин уже не горел — это пасть льва). А черный кузнечик — это метафорический образ, рисующий треск дров в камине:

Кругосветное плавание, дорогая,
лучше кончить, руку согнув в локте и
вместе с дредноутом догорая
в недрах камина. Забудь Цусиму!
Только огонь понимает зиму.

⁶ Литературно-художественное издание «Соты», 2018.

Золотистые лошади без уздечек
 масть в дымоходе меняют на масть
 воронью.
 И в потемках стрекочет огромный черный
 кузнечик,
 которого не накрыть ладонью.

(«В Англии», 1978)

Камины перестали быть в России типичной приметой быта и почти ушли из поэзии, но для поэта, оказавшегося за океаном, камин — общая точка между двумя мирами, воображаемым и реальным.

«У камина» Н. С. Гумилева и стихи Цветаевой «У камина, у камина...». Николай Гумилев — поэт, в творчестве которого восточная, африканская, экзотическая тема звучит ярко. Этой теме отдано не одно его произведение. И помимо восточной окраски, восточного колорита у Гумилева тяготение к Востоку — это стремление ко всему необычному, почти сказочному. Гумилев — мастер стиха о неведомых странах. Он трижды побывал в Африке, и реальные впечатления об этих поездках выразились в целом ряде произведений: «Озеро Чад», «Жираф», «Носорог», «Африканская ночь»... Эта тема разработана в стихотворении «У камина».

Стихотворение «У камина» Н. С. Гумилева вошло в четвертый сборник поэта «Чужое небо», изданный в 1912 году в издательстве журнала «Аполлон». Впервые стихотворение «У камина» опубликовано в альманахе «Северные цветы» в 1911 году, без названия. По мнению Ахматовой, оно написано в 1910 году по дороге в Африку и обращено к ней. Стихи и в самом деле, видимо, адресованы Ахматовой, но написаны, если читать их внимательно, скорее всего, после возвращения из Африки, что Ахматовой вряд ли было приятно⁷, и она вполне могла немного намеренно напутать с датой. Можно подумать, что название «У камина» Гумилев заимствовал из одноименного стихотворения А. А. Фета. На самом деле, судя по приведенным выше текстам, название «У камина» — это, в общем-то, литературный канон или даже литературный штамп.

Композиционно стихотворение Гумилева «У камина» строится как «рассказ в рассказе»: все стихотворение делится на две неравные части: первая — рассказ о поездке лирического героя в Африку. Вторая часть — реакция женщины (Ахматовой), которой этот монолог адресован. Мастерство Гумилева заключается именно в контрасте, который сводит на нет все хвалебное повествование. Любопытно, что лирический герой в начале стихотворения показан в одиночестве, словно никого и нет в комнате:

Наплывала тень... Догорал камин,
 Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
 Горько говоря про свою печаль.

(Н. С. Гумилев. «У камина»)

⁷ По поводу этого стихотворения Андрей Белый писал: «Гумилев, еще не успевший себя зарекомендовать так, как Кузмин, делает быстрые и успешные завоевания в лирике. Его стихи становятся все интересней и по форме, и по содержанию». В частности, «У камина» «останавливает внимание новизной ритмов». Андрей Белый обратил внимание также на то, что стихотворение написано «кольцовским пятисложником» (см.: Белый Андрей. Десять лет «Северных цветов» // Рус. мысль, 1911, № 10, отд. III. С. 24; указано В. С. Баевским). Как «вычурное» и «сочиненное» охарактеризовал это стихотворение Л. М. Василевский (Речь, 1911, 15 (28) авг. С. 3. Подп.: Л. Вас-ий).

Лирический герой один — в самовосхвалении, в изображении себя смелым, отважным:

Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван...

Лирический герой находился в Африке со своими товарищами (и здесь в стихотворении звучит «мы», местоимение, показывающее, что он не чувствовал себя одиноким там, охотясь на львов, стреляя им прямо в лоб, «целясь между глаз» (подробность, заставляющая представить, что Николай Степанович и вправду стрелял в живых львов!). Среди подвигов лирического героя — археологическая находка — храм, отрытый из-под песка. Кроме того, лирический герой сообщает о себе: «Именем моим названа река. / И в стране озер пять больших племен / Слушались меня, чтили мой закон». Понятно, что преувеличения должны произвести впечатление на собеседницу. И все это только для того, чтобы сказать, что в родном крае есть женщина, которая не слушается его, не чтит его. В сборнике «Чужое небо» помещено стихотворение «Тот другой», в котором Гумилев объясняет, что хотел бы рядом с собой видеть не жену-любовницу, а жену-товарища, личность, которая могла бы его понять и поддержать:

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

По-видимому, брак, о котором мечтал Гумилев, не оправдал его надежд. Почему тогда наш герой говорит о себе в стихотворении «У камина» как о слабом человеке? Жизнь на Западе, жизнь европейская, тяготит его: «Но теперь я слаб, как во власти сна, / И больна душа, тягостно больна». Лирический герой ощущает себя неуютно, с мрачной душой дома, в четырех стенах; рядом с любимой женщиной он испытывает страх: «Я узнал, узнал, что такое страх, / Погребенный здесь, в четырех стенах...» Цепи, связавшие лирического героя, — цепи брака, очевидно. Это подтверждает концовка стихотворения: «И, тая в глазах злое торжество, / Женщина в углу слушала его». Итак, женщина торжествует тайно, как Гумилев явно торжествовал в Африке над львами. Эпитет «злое торжество» передает, насколько она далека от любви. Таким образом, разговор «у камина», у места, ассоциирующегося с семейным уютом и теплом, оказывается неуютным, невеселым, тягостным и для него, и для нее.

Миниатюра Гумилева рисует два мира: экзотический Восток с его тайнами, красками, зверями, реками и победами и — мир прозаической земной жизни, подавляющей поэта, в котором он ощущает себя в плену, как лев, загнанный в ловушку.

На стихотворение Гумилева «У камина» откликнулась, как ни странно, Марина Цветаева, которая написала свою сценку «У камина, у камина...» в стихотворении без названия, датированном 2 февраля (15 февраля по новому стилю) 1917 года, «в день Сретения». Цветаева должна была знать сборник «Чужое небо», потому что в 1912 году, одновременно с «Чужим небом», вышла ее вторая книга «Волшебный фонарь».

В тексте Цветаевой лирическая героиня у камина качает маленького сына, которого к тому времени у нее не было (была только дочь Аля трех лет), а вторая дочь Цве-

таевой, Ирина, родится только через два месяца, 13 апреля 1917 года. Африканская тема у Цветаевой развивается в рамках мифа о египтянке Агари, дочери египетского фараона, о наложнице Сарры, и ее сыне Измаиле, с которым она поселилась в Аравийской пустыне. В тексте звучит также тема другой библейской истории — тема Нила и тростниковой корзины, в которой дочь фараона был найден и усыновлен приемный сын Моисей, будущий пророк еврейского народа, — так у Цветаевой преобразилась тема гумилевской Африки. Таким образом, в стихотворении Цветаевой сразу две разные истории: Измаила и Моисея и две разные матери: Агарь и вторая дочь фараона, нашедшая чужого сына и усыновившая его.

Мы предполагаем, что из названия стихотворения Гумилева Цветаева создает первую строку своего стихотворения. В данном случае именно лирическая героиня, а не мужчина, который позабыл и о женщине, и о сыне, оказывается породненной с Африкой и с экзотической темой!

Еще одно важное отличие: в стихах Гумилева не было третьего между мужчиной и женщиной, не было ребенка: сын Лев родится у Гумилева и Ахматовой только 18 сентября (1 октября) 1912 года, в год выхода сборника «Чужое небо». Любопытное совпадение: дочь Аля появилась на свет тоже в сентябре, 5-го (по новому стилю 18 сентября 1912 года). Цветаева могла заинтересоваться таким совпадением судеб: два первенца, мальчик и девочка, родились почти одновременно. Почти одновременно появляются и две книги «Волшебный фонарь» Цветаевой и «Чужое небо» Гумилева. У Цветаевой женщина, качая сына Измаила, напевая ему колыбельную, рассказывает то ли историю своей души, то ли чужую историю, а именно историю Ахматовой, Гумилева и их сына. Цветаева использует в тексте рефрен: троекратно повторяются слова об отцовском отношении к сыну: «Позабыл отец твой милый / О прекрасном сыне». Развод Ахматовой и Гумилева состоялся 5 августа 1918 года, но все к нему шло еще в 1914 году. Неудивительно, что Цветаева за год до официального расставания Ахматовой и Гумилева написала об этом в стихах. Слова о дитяти в корзине — сопоставление Измаила с Моисеем, сыном еврейки Иохаведы, и сына Ахматовой Льва — с сыном Агари:

У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.

Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.

Царский сон оберегая,
Затекли колени.
Ночь была... И ночь другая
Ей пришла на смену.

Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
— «Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»

Поскольку Цветаева посвятила Ахматовой цикл стихов 1916 года, в котором одно из стихотворений было о Льве Гумилеве («рыжий львеныш с глазами зелеными»), данный текст может быть истолкован как текст, в котором помимо мечты о собственном сыне, которого она себе стихотворно колдовала, Цветаева пишет о сыне Гумилева и Ахматовой Льве, о котором отец, может быть, не позабыл, но не был привязан к нему. 25 апреля — годовщина свадьбы Ахматовой и Гумилева. Мы не знаем, о чем писала Ахматова Цветаевой в письмах, но знакомые общие у них были: тот же Мандельштам, например. Известно, что Анна Андреевна мало занималась сыном, в основном Лев Николаевич оказывался на попечении бабушки в Бежецке.

Кстати, в стихотворении присутствуют две женщины, Агарь и «другая», которая тоже почувствует себя брошенной тем, кто пока лежит в колыбельке: сын должен походить на отца:

И другая, в час унылый
Скажет у камина:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»

Вероятно, Цветаева так пишет свой миф расставания Ахматовой и Гумилева, раскручивает свой романтический сюжет, рисует поэтическую картинку жизни. Но Цветаева пишет и о себе, возможно испытывая тоску по некому, неизвестному нам возлюбленному.

«Колыбельная» Бродского и «У камина, у камина...» Цветаевой. Стихотворение Цветаевой «У камина, у камина...» стало толчком для стихотворения «Родила тебя в пустыне...» Бродского, который, по-видимому, ощущал себя духовным приемным сыном Цветаевой. Бродский назвал свое стихотворение «Колыбельная», подчеркнув самим названием связь со стихотворением Цветаевой⁸. Данный текст не вписывается в тему камина, но стихотворение Бродского вызвано к жизни чужим камином, то есть цветаевским, а потому имеет право быть исследованным в данном контексте, где вместо камина — простая песня у костра:

Родила тебя в пустыне
я не зря.
Потому что нет в помине
в ней царя.

Отсутствие царя, отсутствие отца — отсутствие власти над матерью и над ее сыном, ему ничто не угрожает, а для игр — «весь песок» вместо игрушек. Сыном, к которому обращается Агарь у Бродского, является, с одной стороны, то ли сам лирический герой, которого качает своими стихами Цветаева-Агарь, то ли ребенок Бродского. Дочь Бродского, Анна Мария Александра, родилась в 1993 году, так что стихотворение Бродского, как и стихи Цветаевой «У камина, у камина...», написаны, видимо, в момент ожидания рождения младенца и мечты о нем. Такая удивительная переключка возникла между стихами Цветаевой и Бродского, между двумя колыбельными... Пустыня, в философском смысле, — это вся земля, поскольку лирический герой именно так воспринимает землю, на которой одинок:

⁸ О связи «Колыбельной» Бродского с личностью и творчеством Цветаевой упоминал историк Д. А. Мачинский во время его лекции о Бродском и Цветаевой в доме-музее А. Ахматовой 9 марта 2001 года (запись подкаста) на Youtube.

Привыкай, сынок, к пустыне,
как к судьбе.
Где б ты ни был, жить отныне
в ней тебе.

Мать объясняет сыну, что на него смотрит звезда с небес и что сын «не только плоть», не только человек, но и воплощение духа. Финальные строки говорят о Боге, который еще одиноче, чем люди в своей пустыне, о том, кто думает о нем, о своем истинном сыне, и освещает мир, подобно лампе, своим светом:

Привыкай к пустыне, милый,
и к звезде,
льющей свет с такою силой
в ней везде,

будто лампу жжет, о сыне
в поздний час
вспомнив, тот, кто сам в пустыне
дольше нас.

В стихотворении ясной становится тема двойного отцовства: земного и небесного, как для Бродского была важная тема духовной матери, которой он воспринимал Цветаеву, и земной (мать Бродского, Мария Моисеевна, умерла в 1983 году). Стихотворение написано в 1992 году, в год столетия со дня рождения Цветаевой и, по-видимому, является подарком Бродского любимому поэту, с одной стороны, с другой — диалогом с Цветаевой, который совершается благодаря образу библейской Агари. Не забудем, что Бродский носил библейское имя Иосиф, деда его звали Моисеем, и Бродский не мог не помнить об этом.

Поэт, связанный дружбой с Ахматовой, чрезвычайно чтит Цветаеву. Цветаевское слово «верста», словно нечаянно произнесенное Бродским в тексте, — еще одна отсылка к цветаевскому поэтическому миру. Избранный Бродским образ Пустыни также не случаен, поскольку продиктован не только стихотворением «У камина», но и стихотворением Цветаевой «Сахара», связанным с группой пастернаковских стихов сборника «После России», в котором Цветаева воплощает свое «я» в образе пустыни Сахары. Не только пустыня — Цветаева, мир — тоже пустыня, в которой предстоит жить ребенку, в которой видел себя к тому времени окруженный славой, но все же одинокий нобелевский лауреат Бродский.

Но он воспринимал себя, конечно, не только поэтическим сыном Цветаевой, но и поэтическим сыном Ахматовой, поэтому ему так понравилась эта идея — сделать текст, который бы соединил двух великих поэтесс. Это соединение можно усмотреть в дате стихотворения Цветаевой, избранного Бродским в качестве интертекста; «У камина, у камина...» написано «в день Сретения». Ранее, в 1972 году, Бродский посвятил Ахматовой свое стихотворение «Сретение». Случайное ли совпадение для Бродского? Как известно, Сретение — это праздник введения во храм младенца Христа, которого благословляет старец Симеон. Текст Цветаевой от этой приписочки «в день Сретения» приобретает для Бродского еще одно измерение — христианский контекст, которая создает арку со «Сретением» к Ахматовой. Кроме того, стихотворение «Сретение», обращенное к Ахматовой, датировано 1972 годом, годом отъезда Бродского в эмиграцию. Помимо этого, надо отметить, что в 1972 году родилась внебрачная

дочь Бродского, Анастасия Кузнецова, таким образом, сама тема младенца, вносимого во храм для благословения, обусловлена и личными обстоятельствами, хотя мы не располагаем сведениями, знал ли в 1972 году Бродский о дочери. Таким образом, духовный сын Ахматовой Иосиф Бродский дарил Анне Андреевне стихи, в которых признавал ее пророчицей Анной и своей духовной руководительницей. Этим младенцем, о котором написал Бродский, был и младенец Христос, и его обещавшая родиться дочь, и сам эмигрант Иосиф, которому предстояло покинуть родину и отправиться по незнакомой тропе в неведомую жизнь за границей: «Светильник светил. И тропа расширялась». Чисто юридически он должен был отправиться именно в Землю обетованную.

А в 1992 году, спустя двадцать лет, будучи гражданином Америки, он напишет стихи по мотивам стихотворения Цветаевой «У камина, у камина...», потому что Цветаева — еще одна поэтическая приемная «мать» Бродского, как Ахматова, повлиявшая на язык, ритм, слог, дух его произведений. И второе «Сретение» в его жизни — создание «Колыбельной», отклик на стихи Цветаевой, созданные тоже в праздник Сретения. Между обращением к Ахматовой и обращением к Цветаевой — ровно двадцать лет жизни. Бродский сам чувствует себя не только духовным сыном Цветаевой и Ахматовой, но немного старцем Симеоном, потому что за двадцать лет он многое творчески осуществил.

У Бродского не было, судя по его высказываниям в беседах с Соломоном Волковым, интереса к творчеству Гумилева, хотя он прочел четырехтомник поэта⁹. И это неудивительно. Тема странствий, экзотики, так захватывавшая Гумилева, была совершенно чужда Бродскому, занятому философским осмыслением внутреннего мира и реальности. Вряд ли Бродский мог знать стихотворение Гумилева «У камина», от которого, по нашему предположению, могла оттолкнуться Цветаева в своем «каминном» тексте. Стихи Гумилева были для Бродского, наверное, слишком внешними, слишком живописными. Кажется, нет более далеких поэтов, чем Гумилев и Бродский, но есть между ними объединяющее начало — Африка, пустыня. У Гумилева — реальная, у Бродского — метафорическая. Оба поэта узнали романтику странствия, находились в поисках заморского счастья. Просто у Бродского путешествие было духовной формой того, что у Гумилева оказывалось материальным выраженным.

Заключение. Подводя итог нашему чтению, отметим: каминные стихи — стихи уединения, мечты, воспоминания о старой России, душевного самоуглубления, но сам камин — только повод к стихам. Каминных текстов в русской поэзии множество. Мы обратили внимание на те, которые заинтересовали нас. И — важен не сам камин, а кто — у камина; когда у камина оказывается большой поэт, создается атмосфера лирического высказывания, элегического настроения, создается поэтический текст, который соединяет нас с утраченным миром барских усадеб, с дворянской Россией Пушкина, Фета и Тютчева, с романтической поэзией Гумилева и Ахматовой, с мифологическими пространствами Цветаевой и Бродского.

⁹ Волков Соломон. Диалоги с Иосифом Бродским. ЭКСМО, 2012.